

ТРУД И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

О. Г. Садикова

*Московский
государственный
университет путей
сообщения*

e-mail: vsadikova@gmail.com

В статье рассматривается православная трудовая этика в сравнении с протестантской и католической, отношение православия к хозяйственной, предпринимательской, торговой деятельности. Высшими в шкале православных ценностей хозяйственно-трудовой деятельности объявляются «умное делание», молитва, созерцание, «духовный труд», связанный с миссионерской деятельностью, мирская и церковная благотворительность, милосердие, «труд умерщвления плоти» и т.п. Прослежены истоки таких взглядов, частичное совпадение и принципиальные отличия от воззрений других основных христианских конфессий. Подытожены специфика и сущность православного понимания хозяйственно-экономической деятельности.

Ключевые слова: Православие, католицизм, протестантизм, труд, хозяйственно-экономическая деятельность, хозяйствующий субъект, аскетизм, нравственные основы, частная собственность, предпринимательство.

Православное понимание хозяйственно-экономических проблем основывается на общехристианских принципах, выдвинутых еще в период существования ранней церкви. Известно, что христианское мировоззрение в целом таит в себе некую антиномию, амбивалентное отношение к миру. Оно исходит из того, что мир есть Божественное творение, возглавляемое человеком, который, с одной стороны, в силу своей духовности, находится выше природы, но, с другой стороны, все же остается существом природным. «И этим именно соотношением устанавливается положительное отношение человека к природе как к саду Божьему, к возделыванию которого он призван, но вместе и к господству над ней»¹. Христианство, с одной стороны, призывает к освобождению от мира, а с другой, – провозглашает любовь к миру как созданию Бога, во имя спасения которого он даже пожертвовал собственным сыном. Это противоречие снимается в христианском представлении о человеке как не только познающем, но и хозяйствующем субъекте, правом и обязанностью которого является труд как ради собственного существования («трудящемуся земледельцу первому должно вкушать от плодов» (2 Тим. 2:6)), так и для оказания благотворительной помощи нуждающимся, а также во имя совершения общечеловеческого дела на земле в качестве исполнения Божественной заповеди: «Обладайте ею и властвуйте» (Быт. 1:28).

Современное русское православие подчеркивает высокую ценность честного труда, разрабатывает «трудовую этику христианского мира», согласно которой «Бог освятил во Христе всякую полезную трудовую деятельность ... Христианство возводит человека к

¹ Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной церкви. - М., 1991. - С 347. Архиепископ Солнечногорский Сергей пишет по этому поводу: «.. Из библейского повествования мы узнаем, что человек был призван к бережному, любовному отношению к природе, что, согласно Божественному предназначению, окружающая среда должна была приобрести в человеке не постороннего зрителя, лишь любующегося и наслаждающегося красотами Земли, и тем более, не стяжателя и хищника, а доброго и заботливого хозяина (Сергий, архиепископ Солнечногорский. Оказание помощи жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций - долг религиозных организаций//Журнал Московской патриархии. – 1997. – № 1. – С. 51). Стремление к материальному изобилию и достижение его за счет разрушения природы, по мнению современных православных авторов, недопустимо. «Природа – это не кладовая ресурсов, а неповторимый мир, который царит на земле, пока купается в Божественной любви. Жизнь Природы – это дивная Божественная симфония» (Лемешев М.Я. Что в народе – то и в природе//Русский дом. – 1999 – № 3 – С 19-20)

возвышенному пониманию труда как общего для всех долга»². Весьма примечателен и тот факт, что в православном миросозерцании честный труженик всегда вызывает намного большую симпатию, чем нечестно наживший свое богатство тунеядец, неоднократно наделяемый нелестными эпитетами.

Для более четкого выделения специфики православных представлений о труде как основе хозяйственно-экономической деятельности человека представляется важным сопоставить их с протестантским пониманием хозяйственно-трудовой практики.

Протестантское отношение к хозяйственно-трудовой деятельности вдохновляется идеями основоположников реформационного движения в Европе: М. Лютера, Ж. Кальвина и др. С точки зрения ряда исследователей (М. Вебер, В. Зомбарт, С.Н. Булгаков и др.), протестантские догматы о «предопределении к спасению», о труде как «призвании Божьем», проповедь «мирского аскетизма», бережливости, трезвости, честности в ведении бизнеса и другие этические принципы в немалой степени способствовали формированию капиталистического духа – рациональности, предприимчивости, стремлению к успеху. Признание религиозными реформаторами высокого религиозно-нравственного значения мирской деятельности человека означало прежде всего высокую оценку его труда. Всепоглощающий труд в своей земной профессии стал религиозной обязанностью верующего, религиозным долгом, службой Богу «в миру».

Современное постиндустриальное хозяйство Запада, которое давно уже развивается на основании научных достижений и порой кажется неуправляемой рыночной стихией, которая чужда и враждебна христианству, исторически есть его (христианства) собственная эманация. В христианстве родился новый хозяйствующий человек с новой мотивацией труда, несущей в себе черты амбивалентного соединения мироотреченности и любви к миру в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей рождает наибольшую энергию аскетического, религиозно мотивированного труда. «Аскетизм, – писал С.Н.Булгаков, – в практическом своем значении есть отношение к миру, связанное с признанием высших, надмирных, трансцендентных ценностей... Оно выводит за пределы непосредственной, имманентной данности этого мира. Но именно в силу этого своего как бы мироотрицания оно может быть, а при известной степени напряженности даже неизбежно оказывается побеждающим мир...»³. Этот свободный аскетический труд и есть та духовно-хозяйственная сила, которой утверждён фундамент всей европейской хозяйственной культуры.

Главными столпами протестантизма являются вера во всемогущего, трансцендентного Бога и вера в полную греховность, «никчемность» человека. Никакое человеческое действие не может сравниться с божественным деянием. Из этого вытекает презрение ко всему тварному, мирскому. Ведь и церковные таинства, обряды, добрые дела или рукотворные создания – это всего-навсего «прах и тлен». И пытаться спастись при помощи этих «жалких» земных дел есть «смешное и вредное суеверие». Человек, таким образом, полностью свободен от мира, от земных устремлений и забот. Общаться с Богом он может лишь с помощью молитвы и чтения Библии. Спасение греховного человека полностью находится в руках Бога.

Эти положения, на первый взгляд, не противоречили теоретическому обоснованию индивидуального спасения, характерного для монашеской аскетической практики, где благодаря своей праведности человек получает спасение. Но выводы здесь следуют иные: истинный христианин не должен удаляться от греховного мира, запирается в четырех стенах, молиться, медитировать, юродствовать и т.п. Господь создал мир для собственного прославления, и поэтому главная задача человека состоит в прославлении Бога всей своей жизнью и осуществлении на деле всех его заповедей – только ради этого может существовать человек. Работая где-либо, он всегда и везде находится на службе у Господа. Надо только быть на том месте, на которое человек призван.

Более последовательно и выразительно протестантское мировосприятие отражено в наиболее радикальном течении – кальвинизме. Основным догматом кальвинизма, как

² Платон, архимандрит. Богословское обоснование мира // Журнал Московской патриархии. – 1986. – № 9. – С. 73.

³ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. – М., 1993. – С. 349.

известно, является учение о предопределении: по предвечному и совершенно непостижимому для человека акту божественной воли одни предопределены к вечной гибели, другие – к спасению. Это фаталистическое в своей сути учение, казалось бы, должно полностью парализовать волю и личную ответственность, но в практическом приложении оно оказалось наиболее содействующим выработке характера и личной энергии ярко выраженного индивидуалиста. Состояние избранности нельзя определить ни по каким признакам, как нельзя его достигнуть никаким путем. Но человека все равно постоянно интересует этот вопрос: избран ли он, спасен ли? Что ждет его впереди и зачем прилагать какие-то усилия, если нет никаких гарантий на спасение? Ответ на этот вопрос у кальвинистов таков: считать себя избранными должны все, проверять же состояние избранности можно только путем постоянного жесткого самоконтроля в повседневной жизни. Методическая дисциплина жизни, которая выражается не только в неустанном профессиональном труде во славу Господа, но и в моменты отдыха – первый практический вывод из кальвинистского вероучения. Бог кальвинистов требует своего прославления в мире святостью жизни, которая должна быть постоянным служением Богу. Аскетизм привносится в мир, его главной задачей становится упорядочивание жизни, привычка жертвовать сиюминутным ради вечного.

Всепоглощающий труд в своей земной профессии стал религиозной обязанностью верующего, религиозным долгом, службой Богу «в миру». Своей идеей о необходимости удостоверения веры в светской профессии кальвинизм дал положительный и мощный заряд для ее развития и связал практическую этику с учением о предопределении. Протестантизм, в противоположность средневековому католицизму, отправляется от принципиального уничтожения противопоставления церковного и светского. Причем мирские занятия, гражданская профессия, деятельность в доме, на предприятии и т.д. рассматриваются как исполнение религиозных обязанностей, сфера которых распространяется на всякую мирскую деятельность. Этим выражается протестантское обмирщение христианства, сопровождающееся, вместе с тем, «этизированием» мирской жизни.

В числе признаков полезности дела или профессии, даже богоугодности, оказывается его доходность (исходя из этой логики, хотеть быть бедным, все равно, что хотеть быть больным). Постепенно в протестантской среде сложилось воззрение, согласно которому Бог благословляет торговлю; и ветхозаветный склад духа, вообще свойственный пуританизму, связывается с древнееврейским воззрением относительно награды за добродетель в этой жизни. Особое значение для капиталистического духа имеет та черта пуританизма, благодаря которой поощряются мотивы, не только побуждающие к накоплению, но и ограничивающие потребление, а, следовательно, создающие возможности для сбережения средств и материальных благ. Человек лишь управляет благами, врученными ему Богом: он должен как библейский лукавый раб дать отчет за каждый грош.

Элемент сбережения относится и ко времени. Видный представитель французской школы «Анналов» Ж. Ле Гофф рассматривает время не просто как один из аспектов ментальности, а как орудие социального контроля. «Этот контроль принадлежал церкви. Части дня отмечались колокольным звоном; церковь устанавливала дни труда и дни праздников, в которые трудиться было запрещено; она диктовала, в какие дни нужно было соблюдать пост и когда нельзя было вести половую жизнь»⁴.

Сближение трудового и бытового времени с литургическим ставило первое под контроль второго. Церковь ритмизировала и контролировала время верующих. Она определяла время труда и время досуга, время праздников и время буден, время постов и время молитв. Она запрещала работать по праздникам, а при помощи постов контролировала даже питание своей паствы. Кстати, и колокольный звон был символом церковного контроля над временем.

В отличие от православия в протестантизме время стало восприниматься как «мирское», оно обрело материальную оболочку в формуле «время – деньги». Правда, здесь сказалась не только специфика протестантизма, но и общая тенденция к постепенному «обмирщению» церкви в современном мире. Формула «время – деньги» явилась квинтэссенцией духовной основы протестантского восприятия труда, при котором время

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 359.

все больше приобретает конкретную материальную ценность, проявляющуюся, во-первых, в эфиризации – тенденции к постоянной экономии времени, во-вторых, в прецианзации – тенденции к соблюдению все большей точности. Ускорение темпов современной жизни сегодня можно увидеть благодаря широкому спектру ментального «оснащения» (Ж. Ле Гофф) новейших технических разработок в этой области⁵.

Таким образом, протестантский аскетизм стоит у истоков современного «экономического человека». Реформационная эпоха завещала своей утилитарной наследнице прежде всего спокойную совесть при наживании денег, если оно только совершается в легальной форме. Возникает специфически капиталистическая профессиональная этика. Силою религиозного аскетизма воспитаны были для капиталистической хозяйственно-предпринимательской деятельности люди трезвые, совестливые, необыкновенно работоспособные, привязанные к трудовой деятельности как к богоугодной жизненной цели.

Труд для протестантов становится важнейшей жизненной ценностью, священным долгом перед Богом, обществом, самим человеком. Трудолюбие и честность в получении прибыли и достижении успеха, постоянное стремление к профессиональному росту, бережливость и трезвый расчет, ответственность и инициатива, святость и неприкосновенность частной собственности – таковы основные принципы протестантской трудовой этики. Успех в трудовой и предпринимательской деятельности трактуется в рамках протестантского мировосприятия как показатель избрания к спасению. В экономической сфере жизни общества этот успех служит стимулом развития эффективного рыночного хозяйства, сущностью которого является получение прибыли. Также формируется соответствующая ментальность. Ментальная установка протестантского сознания отдает предпочтение ситуативному перед универсальным (это свойственно православию).

Православие, в отличие от западного христианства, значительно более опосредованно и дистанцировано связано с хозяйственно-экономической сферой жизни. Оно никогда не создавало своей «политэкономии», подобно той, которую разрабатывали в католической Европе схоласты, занимаясь вопросами справедливой и законной цены, допустимой нормы прибыли и т.п. Ему чужды протестантские идеи о профессиональной деятельности, в которой проявляется любовь к Богу, где именно за свое профессиональное совершенство человек получает воздаяние в мире ином и где профессиональное призвание есть непосредственное выражение божественной воли. «Совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствует улучшению материальных условий жизни человека, – констатируют православные иерархи. – Однако обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога. Реализация подобных устремлений в истории человечества всегда заканчивалась трагически»⁶. Вместе с тем, православие не игнорирует полностью хозяйственно-экономические проблемы – оно подходит к их решению иначе. Это определяется отличным от западного христианства ракурсом видения мира и человека в нем, своего рода «обратной перспективой», запечатленной в русской иконографии.

«Умное делание», молитвенный подвиг, созерцание признаются в православии и католицизме высшей формой труда. И потому труд подвижника, посвятившего себя этому (часто – монашеский труд), признается в качестве духовного труда. Труд в монастырской практике как западного, так и восточного христианства имеет разнофункциональную направленность, но прежде всего – это средство для аскетических упражнений, значение и ценность которого лежит, как правило, вне самого процесса труда⁷. Как отмечает известный исследователь хозяйственной культуры Н.Н. Зарубина, «...поскольку Храм (как понятие) – соборный образ мира, его духовной сущности, то в нем должно быть место и человеку-хозяину. Однако поскольку Храм есть символический образ мира, то че-

⁵ См.: Сторчак В.М. Архетип и ментальность в контексте религиоведения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. - М., 1997. - С.87-92.

⁶ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. - № 8. – С.40.

⁷ См.: Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С.349-350.

ловек-хозяин, как и всякая тварь, как все мирское, в нем предстает в преображенном, одухотворенном виде. Это не хозяин в полноте его практических расчетов, утилитарных устремлений и земных страстей, не труженик в его повседневных усилиях – это духовная сущность трудящегося и хозяйствующего человека. Это отражает особенность православной хозяйственной этики, согласно которой христианская добродетель хозяйствующего православного верующего состоит не собственно в профессиональном мастерстве и рациональном практицизме, а в постоянной ориентации на внутреннюю духовную работу. В помыслах о Боге и в любви к ближнему, воплощенных в конкретном мирском труде»⁸

Средневековые монастыри были школой труда. Жизнеописания святых как восточных, так и западных церквей дают многочисленные свидетельства воспитательного значения монастырей в этом отношении. Благодаря аскетической дисциплине труда монастыри сыграли огромную роль в экономическом развитии Европы в те эпохи, когда колонизация и возделывание диких земель сопровождалось особыми трудностями. То же самое можно сказать о значении русских монастырей в истории колонизации необъятных просторов российской территории. Таким образом, указанная схема «первоначального накопления» хозяйственной энергии через аскетический труд одинаково применима как на Востоке, так и на Западе, как в католицизме, так и в православии.

Однако в католицизме не все монашество имеет созерцательную направленность. Оно состоит из множества религиозных орденов как чисто созерцательных, так и созерцательно-деятельных, и даже чисто деятельных, то есть полагающих своей основной задачей не молитву, а так называемый «социально-карикативный труд» (уход за больными, воспитание сирот, благотворительная помощь, религиозное образование и т.д.). А протестантизм, основываясь на принципе *sola fide* и всесвященстве, отрицает как сам институт монашества, так и идею о том, что молитвенный труд качественно выше любого другого труда. Поэтому во многих протестантских конфессиях полезность труда определяется не внутренними побуждениями, не «душеполезностью», а объективной пользой той или иной профессии и, соответственно, ее доходностью. В целом можно сказать, что православие призывает «молиться и трудиться», в то время как формула католицизма – «трудиться и молиться», а протестанты убеждены в том, что «труд и есть молитва».

Основное целеполагание труда в православии заключается не в его общественных последствиях, а в нравственных основах, в его влиянии на душу человека как инструментальной ценности, средства и условия усовершенствования последнего. С этой точки зрения, самое высокое место в шкале ценностей занимают такие виды христианского труда, как «молитвенный труд», «духовный труд», связанный с миссионерской деятельностью, «труд добрых дел» (мирская и церковная благотворительность, милосердие), «труд умерщвления плоти», связанный с перенесением страданий (самобичевание, наложение на себя добровольных плотских ограничений), «труд борьбы с грехом» и т.п.

Монашеский идеал всегда служил в православии духовно-нравственным ориентиром для каждого благочестивого христианина. Он задавал определенную систему координат и вектор развития религиозного сознания, исходя в первую очередь из того, что природа русского народа сознается как аскетическая. Отрекающаяся от земных дел и земных благ, зовущая к свободе от обустройства в земной жизни, к аскетическому отречению от мира. Благодаря этому интерес к практической хозяйственной жизни вытеснялся ориентацией на вечное и вневременное, исканием абсолютного добра и абсолютной правды.

Весьма отличен в православии подход к оценке различных видов труда, в отношении к физическому и умственному труду: обращается внимание в основном не на то, какая работа выполняется, а на то, кто ее выполняет. Для православия простой труд не хуже и не лучше какой-нибудь умственной или творческой работы. Это совершенно не свойственно католическому сознанию. Католицизм пытался соотнести различные формы и виды человеческого труда, разные профессиональные занятия и социально-имущественный статус с той или иной степенью нравственного совершенства. На протяжении многих веков разрабатывались сложнейшие иерархические системы, в которых

⁸ Зарубина Н. Эсхатология и практическая рациональность // НГ-религии. – 2000. – 25 октября. – С. 7.

космографическое пространство накладывалось на социальное и духовно-нравственное пространство (по принципу приближения к божественной благодати или удаления от нее). На низшей ступени оказывались те, кто наиболее удален от Бога – простые люди, крестьяне и ремесленники, и наоборот, труд «высших» считался принципиально выше труда «низших». И поэтому те, кто занимал высшие иерархические позиции, должны были соответствовать требованиям своего круга, что исключало как подражание людям более высокого ранга, так и какие-либо действия (не исключая трудовые), характерные для людей, занимающих «низшие» позиции. Это ярко проявлялось не только в светской, но и в монастырской жизни: образованные монахи в католических монастырях, как правило, не занимались «низкой» работой. Весь грязный, «мужицкий» труд выполняли не полноправные монахи, а так называемые «конверзы», которые хотя и жили в монастыре по уставу, но отличались по своему статусу от полноправных монахов.

С отличным от западного подходом к различным видам и формам труда связан и характерный для православного русского сознания подвиг социального опрощения: любовь к «худым ризам», абсолютной бедности, приближающееся к юродству социальное унижение и т.п., в то время как социальное опрощение никогда не становилось общим правилом для католических монахов и, если и совершалось, то единицами. Учение русских подвижников благочестия об обожении, о снискании Святого Духа предполагало, что все мирское, включая привязанность к социальному статусу и престижу, к богатству и комфорту, ко всем тленным вещам должно быть отринуто. По мнению современных православных деятелей, «каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования. Вместе с тем Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами...», ибо «материальные блага не могут сделать человека счастливым»⁹

Помимо нравственного аспекта труд в православном мировосприятии имел еще одну функцию – наказание. В напутствие Адаму было сказано: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю». Таким образом, именно представление о тяжком труде было отождествлено со страшным проклятием Бога. Отсюда традиционнo-христианская точка зрения на труд как на изнурительное, мучительное состояние, посланное в наказание за первородный грех. Истоки данного социально-экономического православного мирозерцания восходят к сочинениям Василия Великого, Кассиана Римлянина, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста, уделявших в своих трудах большое внимание вопросам социальной справедливости и христианского идеала. Учение Кассиана Римлянина, ученика Иоанна Златоуста, о собственности было, по существу, претворено в жизнь в свободной русской общине, сложившейся до царствования Алексея Михайловича (1645-1676), то есть до окончательного закрепления частновладельческих крестьян и прикрепления государственных (дворцовых и черносошенных) к земле. Для Кассиана Римлянина собственность – и не благо и не зло, а нечто среднее, что может быть и злом, и благом в зависимости от намерений (что находится в русле раннехристианской традиции в целом). Его учение не приписывает абсолютного значения тому или иному виду собственности – частной или общественной; критерием для ее оценки выступает духовное благо человека. Согласно этим принципам, в мировосприятии русского крестьянина не было места культу частной собственности. С превращением родовой общины в родовую сельскую, а затем в территориальную, постепенно начало складываться общинно-уравнительное землевладение. В конечном итоге именно православная система ценностей во многом обусловила возникновение и развитие подобного типа землевладения (в отличие от католического Запада), при котором община предоставляла своим членам примерно равные условия для стяжания материальных и духовных благ¹⁰.

В отличие от западного правового самосознания, где частная собственность издревле возведена в ранг «священной неприкосновенности», в России отношение к этому вопросу было иным. «По учению Церкви люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими», – говорится в «Основах социаль-

⁹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 42-43.

¹⁰ См.: Платонов О.А. Воспоминания о народном хозяйстве. – М., 1990. – С. 3-40.

ной концепции Русской православной церкви»¹¹. Поэтому вполне закономерным выглядит вывод о том, что «Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним¹²». Нельзя не отметить, что на формирование отношения к собственности в русском религиозном сознании в определенной степени оказал влияние монашеский идеал, в котором собственность, имущество и т.п. становятся благом лишь тогда, когда являются общим достоянием, делится между всеми.

С представлением о труде как первоисточнике имущественных прав связан устойчивый стереотип крестьянского предпочтения коллективной собственности. Такими субъектами права на протяжении многих столетий являлись община и двор. Мера коллективности субъекта имущественных прав в менталитете русских крестьян была пропорциональна мере трудового «посилья» объекта собственности. Такая социально-экономическая и юридическая установка сформировала основу для устойчивого восприятия русскими крестьянами капиталистических ценностных ориентаций как своего рода аномалии. Использование собственности в целях накопления, эксплуатация неимущих, обогащения осуждалось крестьянами. Наличие психологической ориентации на использование собственности в качестве капитала было для крестьян самым точным индикатором, помогавшим определять «кулака»¹³. Праздность, паразитирование на чужом труде и нечестно нажитое богатство рассматриваются в православии как неугодные Богу. В этой связи весьма примечателен тот факт, что в православном мирозерцании бедняк всегда вызывает гораздо большую симпатию, чем богач, неоднократно наделяемый нелестными эпитетами, заранее подразумевающими нечестный путь получения богатства.

Протестантское мировосприятие в своей основе в качестве главных идей имеет представления о свободах и правах человека, правовом государстве в целом и вытекающее отсюда понимание личности, отдельного индивида и его «естественных прав», в том числе, право частной собственности. В рамках православия сегодня признается существование многообразных форм собственности и осуждается ее их передел¹⁴. Для православия во главу угла поставлены внутреннее восприятие личностью мира, поиск смысла жизни, совесть и самоуглубленность. Если протестантизму свойственно понимание свободы как индивидуальной, обеспеченной формальными «внешними» правами, то в православии она понимается скорее как внутреннее состояние человека, свобода духа. А соборность, столь часто упоминаемая при рассмотрении русского национального характера, – это общинность светской жизни, трудовой деятельности; религиозная вера же, в том числе и в сотериологическом аспекте, у православного человека более индивидуалистична. Спасение для него подразумевает личную молитву, через которую происходит индивидуальное слияние с Богом. Западному человеку, напротив, свойственен больший индивидуализм в мирской жизни, в хозяйственно-трудовой и предпринимательской деятельности, однако вера в Бога носит более «коллективный» характер (например, практика коллективного чтения вслух Священного Писания членами протестантской религиозной общины и др.). Сотериологические проблемы западный человек тоже решал не в одиночку, а при самом активном участии церкви (например, у католиков при помощи индульгенций и т.п.). Подобное различие в ментальности западноевропейского и русского (русского) человека, во многом зависящее от исповедуемой им религии, влияет и на модели социально-экономического развития тех или иных стран, культуру производства, потребления, психологические мотивации к трудовой деятельности и восприятие самого процесса труда, его конечных целей и результатов.

Ментальная установка человека, исповедующего «дух» протестантизма, в утилитарном значении сводится к цели – «делать деньги», а в уже упоминаемой формуле

¹¹ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 42.

¹² Там же. – С. 44.

¹³ См.: Сторчак В.М., Макеев А.В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – 2000. – № 1. – С. 64-71.

¹⁴ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 44-45.

«время – деньги» первое, по существу, приобретает материальную оболочку. По сравнению с этим православие ограничивало трудовую жизнедеятельность. «Мирские» дела (хозяйственные, торговые, ремесленные) православный человек должен был делать не спеша, без лишнего рвения, ибо последнее уподобляется «дьявольскому искушению».

Материальные богатства никогда не почитались русским религиозным сознанием как высшая ценность, а богатство не вселяло в него уверенность в собственном превосходстве и избранности. Подобным было отношение и к проблеме вознаграждения за труд. Глубоко религиозному русскому человеку было свойственно стесняться просить адекватную плату за труд. Он как бы боялся оценить его выше, проявив гордыню и жадность при этом.

Такие принципы совершенно чужды западному устрою, воспитанному в поисках строгой адекватности между затраченным трудом и его вознаграждением. Фома Аквинский, Антонин Флорентийский, Бернардин Сиенский и многие другие католические богословы посвящали свои труды именно проблеме справедливого вознаграждения за совершенную работу. Эти труды стали основой развития классических западных представлений о нормах экономического поведения в обществе.

«Непрактичность» православия, его «неотмирный» характер, устремленность к высшему и вечному во многом связаны с тем, что оно не утверждает (подобно протестантизму), что именно в профессиональной деятельности, и только в ней, человек может проявить свою веру, доказать успехами в труде свое избрание к спасению. Православному религиозному сознанию чужд тот рационалистический дух, который религиозно санкционирует предприимчивость, поощряет стремление к обогащению, дает возможность гордиться процветающим бизнесом и смотреть на честно заработанные деньги как на доказательство избранности и спасения.

Православная этика труда ориентирует не на формальную рациональность экономики, не на стремление к эффективности, прибыли, развитию хозяйства ради них самих, а на цель, лежащую вне экономики и вне хозяйства как такового. В этом смысле православие не создает (в отличие от протестантской этики) духовные основы для формирования типа «предприимчивого человека». Скорее наоборот, оно предостерегает от этого, от «искушения хлебами» и от соблазна увидеть в экономическом развитии залог счастья, успеха и благоденствия.

Итак, рассмотрев специфику православного подхода к хозяйственной деятельности человека по сравнению с христианским – католическим и протестантским – пониманием хозяйственно-экономической деятельности, можно резюмировать следующие положения.

Во-первых, в душе человека существует внутренняя связь между религиозными убеждениями и хозяйственной деятельностью. Хозяйственная энергия одним из своих условий имеет признаки природного мира как блага или ценности. Христианство, в частности, православие, приемлет мир как творение Божие, возглавляемое человеком.

Во-вторых, человек не только познающий, но и хозяйствующий логос мира, господин творения. Ему принадлежит право и обязанность трудиться в мире, как для своего собственного существования и оказания помощи ближним, так и для совершения общего дела человеческого на земле. В хозяйственной деятельности раскрывается космическое предназначение человека. Участвуя в хозяйственной деятельности, человек участвует в делах Божьих по преобразованию мира, в реализации промысла Божьего. Хозяйственный процесс – это промысел Божий, где человеческая воля часто бессильна.

В-третьих, призывая человека любить мир, православие в то же время зовет его к освобождению от мира, чтобы человек ставил духовные интересы выше материальных, понимал, что не создание земных ценностей есть главная цель человеческой жизни, смысл его бытия. Приоритет духовного над материальным, христианский аскетизм и послушание как религиозная установка создают особый тип хозяйствующей личности в православии. Человек должен проходить свое хозяйственное служение, каков бы ни был его социальный статус, с чувством религиозной ответственности перед Богом.

С.Н. Булгаков писал: «Христианство освободило и реабилитировало всякий труд, в особенности хозяйственный, и оно вложило в него новую душу. В нем родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты со-

единения мироотреченности и мироприятия в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей и дает наибольшую энергию аскетического, религиозно-мотивированного труда. Этот свободный аскетический труд есть та духовно-хозяйственная сила, которую утверждён фундамент всей европейской культуры»¹⁵.

В-четвертых, православие освобождает хозяйственную энергию, органически связывает духовные, этические начала с экономикой, дисциплинирует, нравственно направляет и регулирует хозяйственную деятельность.

В настоящее время православные богословы, делая уступки современному экономическому развитию, с рядом оговорок заявляют, что православие не против созидательного труда, не против рыночной экономики и предпринимательской деятельности. Но оно против того, чтобы бизнес превращался в самоцель, служил только собственной выгоде. На первом месте в бизнесе должно быть служение высшим целям человека, представление о его высшем предназначении. В противном случае он становится бесперспективным. Православие выступает против бизнеса, который пользуется нечестными средствами и полагает конечной целью лишь сиюминутное обогащение. «Мы защищаем свободный рынок, – пишет священник Роберт Сирко, – не по идеологическим причинам или из-за идолопоклонства рынку, но скорее из-за нашего уважения к человеческой свободе и поддержки социальных структур, которые бы утверждали человеческое достоинство. Это подразумевает нахождение такой экономической структуры, которая, обеспечивая выходы для человеческой свободы на рынке, может также помочь уменьшить бедность, поднять жизненные стандарты, уважает частную собственность и минимизирует принуждение. Мы считаем, что свободный рынок может создать структуры, с помощью которых люди смогут добиться благ»¹⁶.

В-пятых, отсюда следует, что православие выработало собственный эталон хозяйственного рационализма, который был не просто эквивалентом протестантского утилитаризма, но изначально исходил из несколько иных критериев. В противоположность протестантскому «предопределению и спасению» и «оправданию верой» этической нормой православия является «хождение перед Богом с мыслью об ответственности перед ним». Для православия успех предпринятого дела, величина приносимой им прибыли еще не является доказательством его нравственной, этической оправданности, богоугодности. Именно эта система ценностей, исповедуемая православием, православный эталон хозяйственного рационализма легли в основу предпринимательской деятельности в России, дали положительный импульс развитию купечества и предпринимательства. Так, девизом выходившей до революции 1917 года газеты российских предпринимателей «Биржевые ведомости» была такая фраза: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли».

Сегодня Русская православная церковь поддерживает частное предпринимательство, однако считает, что если частный принцип доведен до предела, то он вступает в противоречие с нравственными законами.

Специфика православного понимания бизнеса отразила ту исторически реальную и отличную от западной модель купеческо-предпринимательской деятельности, которая складывалась в России на протяжении 18-19 вв. Большинство российских предпринимателей вышли «из народа». «Морозовы, Корзинкины, Рябушинские, Бахрушины и многие другие имели свои корни в деревне; они сами или их деды и прадеды пришли из деревень с котомками и в лаптях, потом стали миллионерами, но в нравственном развитии, в привычках, в быту они оставались неизменными, только столичная жизнь отшлифовала их внешне», – писал один из авторов-мемуаристов о российских предпринимателях второй половины 19 в., их устремлениях, внутренних стимулах к деятельности¹⁷.

Российские предприниматели прошлого, вышедшие из крестьянства, были христианами по своему воспитанию и традициям (как правило, представителями Русской православной церкви и старообрядчества). Крупный московский купец Н.П. Вишняков,

¹⁵ Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991. – С. 351.

¹⁶ См.: Моральные основания рыночной деятельности // НГ-религии. – 2000. – 25 октября. – С. 7.

¹⁷ Белоусов И. Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. – Л., 1927. – С. 129-130.

например, писал: «Как у отца, так и у матери, основы мировоззрения и морали покоились на религиозных началах, а в нашей среде религиозность почти всегда отождествлялась с державностью... Религиозным считался только тот, кто был богомолец, ходил часто в церковь»¹⁸. Купечество в России прошлого века было буквально проникнуто христианством, ощущало свою связь с православием и ревностно выполняло заповеди раннего христианства. Купцы воспринимали свой успех в делах как данный Богом, знали, что им дается много, но и щедрость их на деле была велика. Сами они и работали много, и с готовностью отдавали приобретенное, не считая его только своим.

Формировавшееся на новых началах предпринимательство впитывало в себя обе струи православия – новое («никонианское») и старообрядческое («древнее»), и до некоторых пор мирская общественная деятельность их представителей мало чем различалась. Новое купечество, представляющее собой класс капиталистических предпринимателей, как и его предшественники, достаточно лояльно относилось к императору, прилагая большие усилия для решения задач не столько личного обогащения, сколько общественной направленности.

В конце 19 в., когда «производящий» капитализм в России стал перерождаться в финансово-монополистический, начал меняться весь спектр социального поведения, культурных ориентаций и предпочтений купечества, их конфессиональной принадлежности, а также методов хозяйствования. Основной новацией было усиление банковского, финансового капитала, постепенное обретение им превосходства над промышленным. Сами русские предприниматели чувствовали в этом изменении что-то чуждое, противоречащее интересам дела. Один из купцов Рябушинских, Владимир Павлович, пишет о банковском деле как лестнице, ведущей вниз, и дает такое глубокое христианское понимание сути Божественного расположения к людям: «Но не нужно думать, что благоволение Божие только в богатстве: когда в богатстве, а иногда и в бедности. Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью или даже нищетой. Это благословение, думается, еще выше»¹⁹.

В конце 20-х гг. Рябушинский более критично стал оценивать события и факты. Он писал, что в третьем и четвертом поколениях вера в Божий промысел в отношении богатства исчезла, а вместе с ней разрушалось патриархальное единение хозяина и рабочего. Появился тип «западного капиталиста конца XIX в., которого не мучил вопрос – почему я богат, для чего я богат? Богат – и дело с концом, мое счастье»²⁰. Однако, по мнению того же автора, в начале 20 в. возник и другой «чисто русский» тип капиталиста, пытавшегося восстановить патриархальный тип хозяина. В целом можно согласиться с мнением председателя Общества купцов и промышленников России О. Гарцева о том, что «русский бизнес богат традициями. Мораль его основана на православной вере, гуманизме и человеколюбии. В России, как ни в одной другой стране, была развита благотворительность»²¹.

Таковы мировоззренческие и нравственные позиции, лежащие в основе христианского отношения к хозяйственно-экономической деятельности и предпринимательству. Их анализ позволил выявить те специфические ценности, которые обеспечивают духовно-этическую обоснованность хозяйственно-трудовой деятельности, то есть определенное хозяйственное самосознание, своеобразное социально-экономическое мирозерцание.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной церкви. – М., 1991.
2. Сергей, архиепископ Солнечногорский. Оказание помощи жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций – долг религиозных организаций // Журнал Московской патриархии. – 1997. – № 1.

¹⁸ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. – М., 1911. – С. 19.

¹⁹ Цит. по: Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. – № 8. – С. 95.

²⁰ Там же.

²¹ Интервью с председателем Общества купцов и промышленников России О. Гарцевым // Известия. – 1992. – 16 декабря.

3. Лемешев М.Я. Что в народе – то и в природе // Русский дом. – 1999. – № 3.
4. Платон, архимандрит. Богословское обоснование мира // Журнал Московской патриархии. – 1986. – № 9.
5. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. – М., 1993.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
7. Сторчак В.М. Архетип и ментальность в контексте религиоведения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1997.
8. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000 – № 8.
9. Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6.
10. Зарубина Н.Н. Эсхатология и практическая рациональность // НГ-религии. – 2000. – 25 октября.
11. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
12. Платонов О.А. Воспоминания о народном хозяйстве. – М., 1990.
13. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
14. Сторчак В.М., Макеев А.В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – 2000. – № 1.
15. См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
16. Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991.
17. Моральные основания рыночной деятельности // НГ-религии. – 2000. – 25 октября.
18. Белоусов И. Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. – Л., 1927. – С. 129-130.
19. Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. – М., 1911.
20. Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. – № 8.
21. Интервью с председателем Общества купцов и промышленников России О. Гарцевым // Известия. – 1992. – 16 декабря.

LABOUR AND ECONOMIC ACTIVITY IN RUSSIAN ORTHODOXY

The article examines the Orthodox Christian labour ethic in comparison to those of Protestantism and Catholicism; the relationship between Orthodox Christianity and economic activities, entrepreneurship, and trade. One of the greatest Orthodox Christian values of economic-labour activities is the concept of, prayer, spiritual contemplation, 'spiritual labour', in connection with missionary activities, general and church charitable works, etc. Tracing back the sources of such views, and the partial commonality and principal distinctions with the views of the other main Christian confessions. Summarises the distinguishing features and essence of the Orthodox Christian understanding of economic activity.

O. G. Sadikova

*Moscow State University
of Railway Engineering*

e-mail: vsadikova@gmail.com

Key words: Orthodox Christianity, Catholicism, Protestantism, labour, economic activity, economic entity, asceticism, moral foundations, private property, entrepreneurship.